
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-X

Сборник научных статей по монголоведению
Посвящается 90-летию Л. К. Герасимович

St. Petersburg
2013

УДК 951.93
ББК ТЗ(5Мо)

Издано на средства Института восточных рукописей РАН

Редакционная коллегия: доктор филол. наук *И. В. Кульганек* (председатель), доктор филол. наук *Л. Г. Скородумова*,
канд. филол. наук *Н. С. Яхонтова*

Рецензенты: канд. филол. наук *М. П. Петрова*, доктор филол. наук *С. Л. Невелева*

Edited by: *D. S. (Philology) I. V. Kulganek, D. S. (Philology) L. G. Skorodumova, Ph. D. N. S. Yakhontova*

Peer-reviewed by: *Ph. D. M. Petrova, D. S. (Philology) S. Neveleva*

Монголика-Х: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013. — 144 с.

Десятый выпуск сборника имеет разделы: «Филология, литературоведение, фольклористика, текстология», «Историография, источниковедение и история науки», «Рецензии и научная жизнь», «Наши переводы». Статьи написаны авторитетными учеными-монголоведами и молодыми российскими и зарубежными специалистами. Актуальность сборника подчеркивают очерки о последних монголоведных событиях, рецензии на новые книги. Статьи написаны в русле основных научных приоритетов и с позиций современного монголоведения, для которого историко-культурные проблемы монголоязычных народов весьма существенны, несут важную общественную нагрузку и имеют как чисто научное, так и общеисторическое практическое значение.

Материалы сборника рассчитаны на специалистов-монголоведов, историков, культурологов и всех, кто интересуется историей монгольских народов и Центральной Азии.

The tenth issue of «Mongolica» has the following parts: «Historiography and Textology», «Literature, Folklore, Linguistics», «Reviews and Scholaly Life», and «Our translations». The articles are written both by competent and young Russian and foreign scholars in the field of Mongolian studies. The essays of the latest scholarly events, reviews of new books make the issue topical. The articles are written in the mainstream of the modern scientific priorities and from the positions of the modern state of Mongolian studies, where historical and cultural problems of Mongolian speaking peoples are very important. They play a significant part in the society and have general historical significance.

The issue should be of interest to Mongolists specialising in philology, history, culture, and Orientalists interested in the history of the Mongolian peoples and Central Asia.

Литературный редактор — *Т. Г. Бугакова*

Технический редактор — *Г. В. Тихомирова*

Корректор — *Т. Г. Бугакова*

Макет подготовлен в издательстве

«Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 111

e-mail: pvcentre@mail.ru; web-site: <http://www.pvost.org>

Подписано в печать 15.08.2013. Формат 60×90 ¹/₈. Гарнитура основного текста «Таймс»

Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 20 усл.-п. л. Заказ №

Первая академическая типография «Наука»

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12/28

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения правообладателей.

ISBN 978-5-85803-467-4

© Издательство «Петербургское Востоковедение», 2013

© Институт восточных рукописей РАН, 2013

© Коллектив авторов, 2013

Содержание

Предисловие. <i>И. В. Кульганек, Л. Г. Скородумова</i>	5
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИНГВИСТИКА	
Л. Г. Скородумова. Модель пространственно-временного континуума в монгольской культуре.	8
О. А. Сапожникова. Структура художественного текста в описании духовного облика монгольского народа (по рассказу С. Эрдэнэ «Камень в сердце»)	16
А. А. Туранская. Монгольский перевод сборника «Сто тысяч песнопений» Миларэпы	21
Д. А. Носов. Кумуляция в сказках монгольских народов: жанровый признак или композиционный прием?	26
А. А. Соловьева. Рассказы о проделках нечистой силы в монгольском фольклоре	33
П. О. Рыкин. К вопросу о принципах китайской транскрипции монгольской лексики в китайско-монгольском словаре «Дада юй/Бэйлу юй» (конец XVI—начало XVII в.)	41
А. И. Чернуха. К вопросу о диахроническом образовании долгих гласных в монгольском языке	49
И. В. Кульганек. Фольклорное воплощение феномена Прихубсугуля — Даян Дэрх.	53
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
Е. И. Кычанов. Тангутско-татарская граница в первой четверти XIII в. (по тексту «Новых законов» Ся)	58
К. В. Алексеев. О двух монгольских рукописях жизнеописания Гампопы (1079—1153)	65
Ю. И. Елихина. Монгольские ксилографические доски из коллекции Государственного Эрмитажа	70
А. В. Майоров. Письмо римского папы Иннокентия IV золотоордынскому хану Сартаку (текст, перевод, комментарий)	74
А. Б. Малышев. Для чего была написана золотоордынская «поэма» на бересте, найденная у села Подгорное? (к постановке проблемы)	82
П. Чултэмсүрэн. Краткая история халхаского Цогту-хунтайджи и его потомков	86
Ф. Л. Синицын. Международная деятельность тибетского иерарха Панчен-ламы IX и ее воздействие на положение МНР и Внутренней Монголии (1926—1937)	90
И. В. Кульганек. Рукописное и архивное наследие монгольских народов в России	97
РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
К. Н. Яцковская. Читая «Труды о Монголии и для Монголии» А. Д. Симукова	101
Б. Дайриймаа. Конференция, посвященная 100-летию известного алтайского урянхайского исполнителя С. Чойсуреана	109
Ю. И. Дробышев. Новые издания совместной Российско-Монгольской комплексной биологической экспедиции РАН и МАН	110
О. Н. Полянская. Конференция «Монголия в XX веке: от восстановления независимости до международного признания». 1—2 декабря 2011 г., г. Иркутск	113
Т. Г. Басангова. Субурган Джамбо-тайши Тундугова	117
Л. В. Четырова. Монгольский форум в Париже	119
Л. Халоупкова. <i>Болдохонов К. Б.</i> Дорогие мои земляки	120
А. А. Бурыкин. <i>Омакаева Э. У.</i> Типология моделирующих членов предложения в калмыцком и монгольском языках в свете глагольно-актантной теории	122
Т. Д. Скрынникова. <i>В. Л. Успенский.</i> Тибетский буддизм в Пекине	125
И. В. Кульганек. Отчет о Первой Международной конференции «Культурное наследие монголов: рукописные и архивные собрания Санкт-Петербурга и Улан-Батора»	128
НАШИ ПЕРЕВОДЫ	
Т. Баянсан. Лысое сердце (пер. Л. Скородумовой)	131
С. Эрдэнэ. Камень в сердце (пер. О. Сапожниковой)	133
П. Лувсанцэрэн. Голубой, как вода (пер. О. Сапожниковой)	134
С. Пурэв. Страдания собаки никогда не кончатся (пер. О. Сапожниковой, под ред. Л. Скородумовой)	138
Д. Гармаа. Сундук гецула (Будда) (пер. К. Ким)	140
Summary	141

Contents

Introduction by <i>I. V. Kulganek, L. G. Skorodumova</i>	5
LITERARY STUDIES, FOLKLORE STUDIES, LINGUISTICS	
L. G. Skorodumova. The model of the space-time continuum in the Mongol culture	8
O. A. Sapozhnikova. The spiritual character of the Mongolian people in the story by S. Erdene «A Stone of the Heart» (Structure of a literary text)	16
A. A. Turanskaya. The Mongolian translation of the collection «One Hundred thousand hymns» by Milarepa	21
D. A. Nosov. The structure of the Mongolian folk tales	26
A. A. Solovyeva. Stories about the evil forces in the Mongolian folklore	33
P. O. Rykin. On the Principles of Chinese Transcription of Mongolian Words in the Chinese-Mongolian Dictionary «Da-da yu/Beilu yiyu» (late 16 th —early 17 th centuries)	41
A. I. Chernukha. On diachronic process of formation of long vowels in the Mongolian language.	49
I. V. Kulganek. Folklore embodiment of the Prikhubsugulie's phenomenon — Dayan Derkh	53
HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES	
E. I. Kychanov. The Tangut-Tatar border in the first quarter of the XIII century. (the «New laws» of Xia)	58
K. W. Alekseev. About two Mongolian manuscripts of the biography of Gampopa (1079—1153)	65
Yu. I. Yelikhina. Mongolian woodcut boards from the collection of the State Hermitage.	70
A. V. Mayorov. Pope Innocent IV's letter to Sartakh Khan of the Golden Horde (text, translation, notes)	74
A. B. Malyshev. What was the purpose of the Golden Horde «poem» written on birch bark found near the village of Podgornoe? (statement of the problem)	82
P. Chultemsuren. A brief history of Khlalkh Tsogtu-Khuntaydzhi and his disciples	86
F. L. Sinitsyn. International activities of the Tibetan Hierarch Panchen Lama IX and their impact on the situation of Mongolia and Inner Mongolia (1926—1937 years)	90
I. V. Kulganek. Manuscript and archival legacy of mongolian peoples in Russia	97
REVIEWS AND SCIENTIFIC LIFE	
K. N. Yatskovskaya. Reading the «Works of Mongolia and for Mongolia» by A. D. Simukov [The State Museum of Ethnology, Osaka, 2007—2008]	101
B. Dayriymaa. The conference dedicated to the 100 th anniversary of the famous Altai-Uryankhay performer S. Choysuren	109
Yu. I. Drobyshev. The new publications by the Integrated Russian-Mongolian biological expedition of RAS and MAS	110
O. N. Polyanskaya. The conference «Mongolia in the XX century: from the restoration of independence to the international recognition»	113
T. G. Basangova. Suvarga of Jumbo Taishi Tundutov	117
L. V. Chetyrova. Mongolian forum in Paris.	119
L. Khaloupkova. Review of «My Dear Countrymen» by K. B. Boldokhonov (Ulan-Ude, 2012)	120
A. A. Burykin. Review of «The Typology of Model-forming Parts of Sentences in the Kalmyk and Mongolian Languages in Light of the Verbal-actantial Theory» by E. U. Omakaeva. (Ulaanbaatar, 2011)	122
T. D. Skrynnikova. <i>V. L. Uspenskiy.</i> The Tibet Buddhism in Beijing.	125
I. V. Kulganek. Report about the first international conference «Cultural Heritage of mongols: manuscripts and archival collections in St. Petersburg and Ulaanbaatar»	128
OUR TRANSLATIONS	
T. Bayansan. Bald Heart (translated by L. Skorodumova)	131
S. Erdene. Stone Heart (translated by A. Sapozhnikova)	133
P. Luvsantseren. As Blue as Water (translated by A. Sapozhnikova)	134
C. Purev. A Dog's Suffering Never Ends (translated by A. Sapozhnikova; ed. by L. Skorodumova)	138
D. Garma. Getsul's Chest (translated by K. Kim)	140
Summary	141

Е. И. Кычанов

Тангутско-татарская граница в первой четверти XIII в. (по тексту «Новых законов» Ся)

В статье описываются устройство тангутско-татарской границы, организация пограничной службы во времена правления Чингис-хана, а также войны против государств Ся и Цзинь.

Ключевые слова: государство Си Ся, «Новые законы», граница, караулы, тангуты, татары, уйгуры, законодательство.

Татары — это как наименование конкретного этноса, так и общее для тангутов наименование населения современной территории МНР (Халхи). Татары стали соседями тангутов с середины XI в. К 1036 г. тангуты владели всей территорией Ордоса и западной частью современной провинции Ганьсу от Лянчжоу (Увэй) до Шачжоу (Дуньхуан). Пограничная линия проходила на стыке пустынь Алашань и Гоби (Шамо). На старинной карте Си Ся, относящейся, по моему мнению, к периоду между 1066 и 1081 гг. [Кычанов, 1959. С. 204—212], на всем протяжении северных границ Си Ся трижды обозначено «граница с татарами». По мнению Б. Огея, в X в. татары проживали в северных районах Ганьсу [Ogel, 1961. С. 11]. Этническая принадлежность татар Центральной Азии до сих пор предмет исследований и дискуссий, но очень вероятно, что хотя бы часть их была связана с тюрками [Кляшторный, 2006. С. 532—541].

Приняв в 1038 г. титул императора, правитель тангутов Юань-хао в письме, уведомлявшем об этом акте сунский двор, писал, что татары подчинились ему вместе с тибетцами и уйгурами. «Как только были введены новая одежда, [новые] письмо, обряды и музыка, то сразу туфань (тибетцы), тата (татары), Чжанъе и Цзяохэ (уйгуры) — все подчинились мне. Они были недовольны, когда я называл себя ваном, и охотно подчинились мне, когда я титуловался императором. Неоднократно собирались они и требовали, чтобы мой титул соответствовал моему положению. И я выразил желание, чтобы на этих окраинных землях была создана империя» [Сун ши, цз. 485, 1936. С. 3786—3787].

Конечно, позже тангуты, хорошо или плохо, были осведомлены о тех событиях, которые происходили на территории современной Монголии во второй половине XI—первой четверти XIII в. Мы почти ничего не знаем об этом, но государство тангутов так или иначе периодически оказывалось втянутым во внут-

ренние войны на территории Монголии. Известно, например, что, когда кереитский Торил-хаган (Ванхан) был во вражде со своим дядей Гурханом, отец Темучжина (Чингис-хана) Есугай-богатур помог Торил-хану разгромить Гурхана и Гурхан бежал в Ся только с 20—30 всадниками. Чуть позже и сам Торил-хаган временно должен был искать спасения на территории Ся [Бичурин, 1829. С. 14—15; Си Ся тун ши, 2005. С. 319; Д'Оссон, 1937. Т. 1. С. 65].

Границы тангутского государства с соседями, кроме труднодоступных мест, были маркированы. «На отдаленных границах с другими государствами, где строгого разграничения [территорий] нет и [наша страна] полагается на мирные отношения, установленные с тибетцами, уйгурами, татарами и чжурчжэнями, наши дальние и ближние караулы, если к границе с обеих сторон подойдут кочующие семьи,двигающиеся в поисках воды и травы для прокормления скота, или охотники, должны возвращать [их] обратно, задерживать и не позволять им переходить границу» [Кодекс, кн. 2, 1987. С. 132].

Границу охраняли караулы. Караулы подразделялись на ближние и дальние. Каждому караулу для охраны границы отводился свой участок. Линия караулов была сплошной, когда караулы устанавливали связь друг с другом, но были и плохо охраняемые или даже совсем неохраняемые участки границы, территории, «на которые не высылались дальние и ближние караулы» [Кодекс, кн. 2, 1987. С. 126]. Отдаленные друг от друга караулы поддерживали между собой связь сигнальными огнями со сторожевых вышек.

На границе для контактов между пограничными странами были установлены специальные проходы.

Караул обычно состоял из начальника караула и караульных. Закон предусматривал, чтобы «на службу в дальние и ближние караулы направлялись в необходимом числе стойкие, волевые и честные люди.

Собравшись, [они] должны быть на месте в назначенный срок и находиться точно на отведенном [им] участке» [Кодекс, кн. 2, 1987. С. 110]. Караульную службу несли или солдаты, или военнообязанные мужчины, которых направляли отбывать трудовую повинность. Караулы подчинялись местным воинским начальникам, например комендантам пограничных крепостей и пограничным эмиссарам, чиновникам с функциями и военной и гражданской службы, ответственным за определенный участок границы. Пограничными эмиссарами могли «быть назначены способные, умеющие вести дела, стойкие и отважные, умело выполняющие приказы, способные обучать военному делу, физически крепкие и мыслящие люди из числа командиров марша, командиров строя и направляющих (командиров младшего и среднего звена)» [Кодекс, кн. 2, 1987. С. 133]. Караулы обязаны были следить за скотоводами-кочевниками в данной местности, задерживать лиц, пытавшихся перейти границу, перебежчиков, препятствовать проникновению банд грабителей и срочно оповещать о вторжении войск противника. Если такая угроза имела, караулы и местные власти должны были принять срочные меры, чтобы «наши люди и скот не попали в руки противника», «предостеречь местное оседлое население и кочевников». При отсутствии возможности остановить противника своими силами они должны были наблюдать за его продвижением [Кодекс, кн. 2, 1987. С. 133—134]. Если это была большая армия, которая «вклинилась в глубь нашей территории и появилась там, где [наши] пахотные земли, вода и пастбища», то караульные и местные пограничные власти обязаны были определить расстояние до района вторжения, а кроме того, они должны были в «большие оросительные каналы... пустить воду, чтобы поднять в них уровень воды» [Кодекс, кн. 4, 1989. С. 52—53]. Наполненные водой каналы должны были стать преградой для продвижения вражеских войск.

На тангутско-татарской границе важной обязанностью караулов было наблюдение за скотоводами-кочевниками. В системе административного управления Ся кочевые сообщества возглавлялись главами кочевий. Внутри кочевого сообщества семья кочевников являлись «единицами податного двора», семьи объединялись в десятки, полусотни и сотни. «Чиновники, — предписывал закон, — обязаны объединять хозяев податных дворов, живущих поблизости друг от друга, в группы и над каждым десятком дворами назначать одного цзяся, над каждым пятью цзяся одного старшего, человека, способного вести дела, а над каждым двумя старшими одного старосту кочевья или землепашцев из живущих поблизости чиновников... служащих регулярной армии и вспомогательных войск, людей, способных вести дела и не привлеченных в данный момент к какой-либо работе» [Кодекс, кн. 4, 1989. С. 107—108].

В тангутском государстве пастбища подлежали учету. Законы не раз упоминают «государевы пастбища», то есть пастбища для казенного скота — ко-

ней, верблюдов, пастбища для хозяйств, снабжавших двор и казну мясом и молочными продуктами. Если пастбище объявлялось государевым, им уже не могли пользоваться частные лица, хозяева-скотоводы, исключение составляли те случаи, когда, как указывает Кодекс, кто-то не мог покинуть хорошие пастбища, или же, «не имея воды, был не в состоянии получить [ее в другом месте], или же обнаружатся старые семьи, издавна [живущие здесь], то [все такие лица и семьи] могут жить там, где [они] живут» [Кодекс, кн. 4, 1989. С. 196].

В первой четверти XIII в. были составлены так называемые «Новые законы», хотя не все их разделы так именовались, но те, которые были дополнениями и поправками к основному Кодексу Ся — «Измененному и заново утвержденному кодексу девиза царствования Небесное процветание (1149—1169)». Они были составлены к каждой из глав Кодекса (кроме 19-й и 20-й глав, к которым добавлений не было либо их не успели составить). В части рукописных книг, содержащих эти добавления, в наименовании или в тексте имеются даты, что позволяет твердо датировать «Новые законы» первой четвертью XIII в., последними десятилетиями существования тангутского государства. Книги дополнений, вероятно, рассылались из центра и переписывались на местах, в нашем случае в городе с тангутским названием Эдзина (китайское наименование Хэйшуйчэн, ныне сохранившиеся стены города известны в русской и европейской науке как «мертвый город Хара-Хото»). Находится Хара-Хото неподалеку от центра аймака Эдзина (сохранилось тангутское название) (Автономный район Внутренняя Монголия, КНР).

В дополнениях к 4-й главе Кодекса имеются представляющие мне очень важными сведения об учете пастбищ, о составлении их описей и о занесении пастбищ на карты. Хочу подчеркнуть, что речь идет о районах пустыни Алашань — типичном регионе ведения кочевого скотоводческого хозяйства. В тексте говорится: «На всех границах подчиняющиеся [нашему государству] кочевники должны пастись скот в пределах досягаемости [нашими] караулами, в местах, обозначенных на картах [в мерах расстояния] ли (примерно 600 м. — *Е. К.*). Если сделаны описи воды и травы, то когда кочевники откочевывают, терять их [из-под наблюдения] нельзя» [Законы года свиньи, гл. 4, 1215. Без пагинации]. Таким образом, текст подтверждает, что хотя бы в пограничном регионе пастбища были на учете, занесены на карты с указанием размеров их территорий и с приложением описей водопоев (воды) и травостоя (травы). Кочевник не мог свернуть юрту, угнать скот и уйти, это было наказуемо тремя годами каторжных работ [Законы года свиньи, гл. 4, 1215. Без пагинации].

Б. Я. Владимирцов указывал, что среди монголов было желание некоторых, как правило богатых, семей кочевать отдельно, аилами (семьями) [Владимирцов, 2002. С. 332—333]. По тангутскому праву, местные власти обязаны были запрещать кочевать

отдельными семьями. Допустившему такое начальнику, если он не получил взятку и не имел ранга, полагалась порка 13 тяжелыми палками, а при наличии ранга — 6 месяцев каторжных работ. У самого хозяина-кочевника, если его беззащитного ограбили, но местный караул сумел отбить у грабителей его скот, этот скот изымался в качестве штрафа [Кодекс, кн. 2, 1987. С. 135]. Караулы, местные власти не должны были допускать откочевки и ухода кочевников, особенно за рубеж. «Если какой-либо хозяин пограничного района выйдет за пределы [отведенной ему] территории и оттуда бежит, то старшему кочевья, пограничному эмиссару, пограничному чиновнику за непринятие должных мер к задержанию беглеца один год каторжных работ. Если должностные лица, посланные удержать кочующие семьи, не смогли задержать [их] и бежали вместе с ними, то [виновным в том должностным лицам] два года каторжных работ» [Кодекс, кн. 2, 1987. С. 131].

Граница всегда была местом торговли. Не была исключением и тангутско-татарская граница. Традиционно некоторые отрасли торговли являлись монополией казны. В государстве Ся существовали так называемые «государевы запреты» (высочайшие запреты) на продажу за рубеж тех или иных товаров. Как правило, такие запреты отражали как экономические, так и политические цели государства, были связаны с обеспечением государственной безопасности. Кодекс 1149—1169 гг. устанавливал: «Высочайше запрещено продавать в другие государства людей, коней, доспехи для воинов и для коней, верблюдов и другое имущество. ...Если в другое государство будет продан человек и если [он] уже увезен за границу, то приговор [виновным] выносится как за умышленное убийство. ...Если кому-либо из чужеземцев будут проданы верблюд, корова или лошадь — безразлично, взрослое [животное] или молодое — либо доспехи для воина и для коня, то если [виновен] простой человек, зачинщик подлежит смертной казни путем обезглавливания. ...Имеющим ранг мера наказания определяется в соответствии со степенью ранга. Если... человек продаст [за границу] оружие или какое-либо имущество и скот... то в зависимости от стоимости по повышенным ценам, принятым на территории нашего государства, приговор [виновному] в случае продажи оружия выносится как за грабеж с применением силы и использованием оружия, а в случае продажи разных вещей и скота — по закону [о грабеже] без использования оружия. ...Оружие [в данном случае — это] лук и стрелы, копья, мечи, ножи, алебарды, пики, седла для коней, колчаны, разного рода золотые, серебряные и железные рукояти, орудия для вспарывания и взламывания доспехов. Разный скот и имущество — войлоки, зерно, мулы, ослы, деньги, шкуры коров, верблюдов, лошадей» [Кодекс, кн. 2, 1987. С. 225—226]. «Любому человеку запрещается продавать в другое государство монету, а мастерам — переплавлять монету или портить ее... [За продажу или порчу] более десяти связок монет виновный подлежит

смертной казни путем удушения» [Кодекс, кн. 2, 1987. С. 230].

«Новые законы» подтвердили эти запреты, возможно, распространив запрет и на продовольственные товары. «Семьям, проживающим в пограничных и внутренних районах страны, не разрешается продавать рис, пшено и просо на северной границе (то есть на границе с татарами. — *Е. К.*), а также чжурчжэням и уйгурам. Если староста кочевий... и прочие чиновники отменят запрет и будут иметься нарушители запрета, то виновным три года каторжных работ. Если донесет посторонний человек, то выделяются две доли — того, кто привез зерно, и того, кто им торговал. Доносчику и владельцу зерна должны быть выделены особые доли для компенсации им выплаты награды за донос» [Законы и правила поведения. Гл. 6—8. Гл. 7. Без даты. Без пагинации]. «При наказании любого человека за высочайше запрещенную торговлю, в том случае, когда он торговал людьми... в нарушение закона без счета торговал коровами и быками, верблюдами и лошадьми, взрослыми и не взрослыми, медными доспехами, когда снимал их с убитых в сражениях солдат, а также торговал разным скотом, деньгами, оружием, то при проверке все это должно оцениваться по ценам в своем государстве. Если было использовано [для продажи] оружие, то, без сомнения, это квалифицируется как ограбление с применением оружия. Что касается разного скота и денег, то в данном случае приговор выносится как за ограбление без применения оружия». «Новые законы» свидетельствуют о том, что имеет «место высочайше запрещенная торговля с иноземцами, язык которых не одинаков с языком своего государства, и если наши люди лично принадлежащие им скот и деньги, а также и похищенные у других, заводя знакомства с чужеземцами, продали в другое государство, или здешние люди другому государству покорились, или, желая выгоды, раз за разом ходили туда и обратно в чужеземные пределы, выдавали названия кумирен и селений, укрывали вражеских шпионов, не прекращали... высочайше запрещенную торговлю, могли иметь суждения о порядках, имеющихся в цивилизованном [своем] и диком [вражеском] государствах, то отныне... если люди переходили во вражеские пределы, то коровы, медь, доспехи, оружие, разные чужие деньги по закону становятся полученными преступным путем» [Новые законы, гл. 7. Без пагинации].

Торговала казна, торговали самостоятельно местные власти в своих интересах и частные лица. И сколь бы странным это ни казалось, торговля, судя по тексту источника, велась достаточно активно, несмотря на прямую угрозу с севера и на предпринятые Чингис-ханом попытки уничтожить тангутское государство. Источник с горечью отмечает: «Народ желает выгоды. Люди не различают добра и зла. Они добиваются выгоды».

Закон требует контроля за торговлей. «Когда на любой границе, где имеются торговые пути и пере-

ходы, повсеместно появились и покупатели и торговый капитал, который получен для торговли, то после тщательного [изучения дела] караульными и старшими и младшими должностными лицами гласно должны быть установлены цены... [товары] занесены в списки, которые должны начинаться каждый с одной тетради. Когда торговля завершена, то каждым [торговавшим] деньги [доходы] должны быть представлены старшему по закупкам. Если списки не оставлены, то проверять остальное по гвонам (хозяйствам. — *Е. К.*), торговавшим частным образом, не разрешается». «Когда на все имеющиеся переходы направлены государевы купцы, то о деньгах, полученных от продаж, и деньгах, потраченных на закупки, распоряжений о доходе нет. При этом, что касается лиц, пославших торговцев, то они не думают о торговцах, людях маленьких. А лишь заботятся о доходах. Если от частных лиц [польза] для государя сомнительна или есть вред, то исходят из того, действительно ли есть польза или нет». «Когда торги завершены, была ли торговля прибыльна или нет, деньги от продаж, что получены на переходах, должны быть сосчитаны по всей границе и о капитале доложено. Если среди этих государевых купцов окажутся такие, кто станут укрываться от налога с высочайше запрещенной государевой торговли, то если такие имеются, они должны быть арестованы, подвергнуты допросу и с ними следует поступать по закону». «Пограничные татары, отцы и сыновья, при поддержке своего государства (прошу обратить внимание на эту формулировку! — *Е. К.*) и думая о помощи иноземцам (то есть своим соплеменникам, татарам. — *Е. К.*), дают дорогу для торговли рисом и мукой. Местные жители, обе [стороны], и те и другие, торгуют с удовольствием. ...Они постоянно находятся в связи друг с другом. Свои и чужеземцы смешиваются... наши солдаты и народ... рассчитывая только на легкие наказания, посылают туда целые обозы. И наши и чужеземцы во время торговли тайно переходят границу, в зарослях происходят нарушения и с той и с другой стороны. Здесь, установив связь и сбавившись, бесперывно имеются те, кто торгуют с чужеземцами верблюдами и лошадьми». И власти требуют контроля, требуют «посылать людей встречать, провожать и проверять обозы и людей, производить учет...».

Хочется подчеркнуть, что торговля осуществлялась на основании соглашения между Монгольским государством и государством Ся. «Когда на основании параграфа [соглашения] ежегодно появляются татары-купцы, то их... на отведенных территориях поименно встречают пограничные эмиссары, за которыми [эти территории] закреплены. Этим татар, которые торгуют, не так много — появляются [группами] по 40, 50, 100 человек. По приказу пограничного эмиссара они остаются на том месте, куда прибыли, и осуществляют высочайше запрещенную торговлю. Если их больше, чем это установленное число, 100—200 [человек], и много сопровождающих их людей, то одному человеку за ними не успе-

дуть. Если нет задержанных силой, то они сами должны двигаться и останавливаться в установленном числе. И когда нет тех, которые торгуют с местным населением в нарушение высочайше запрещенной торговли и обмена, то их не удерживать и не притеснять. ...В наших караулах смотрящие, подобно летающим птицам, также ждут подачек и делают это с легким сердцем. Когда чужеземные торговцы уже появились, количество груза должно быть определено и срочно сделаны оповещения. Пограничные эмиссары и те, кто в порядке установленной очереди принимают торговцев, когда могут собраться, должны сопровождать их и срочно расширять караулы, которые должны двигаться с тыльной и лицевой стороны [каравана]. Торговцев надо встречать и точно определить количество людей и груза... Наши и иноземцы не должны смешиваться. ...Торговля должна производиться по имеющимся правилам. Когда торговля закончится... караулы, рассредоточившись, не доходят до границы... ни одной скотине, ни одному человеку проходить, входить и выходить не разрешается». Для производства торговли использовали и татар, подданных Ся. «Когда назначены люди для производства обмена из числа наших татар... то отправка лиц для производства обмена должна быть осуществлена. Должностные лица при этих обозах производят проверку, и не разрешается иметь больше ни на одну скотину, ни на одного человека по сравнению с тем, что было определено. Этот груз и эти лошади должны быть зарегистрированы по месту их принадлежности... по масти лошадей и их числу, все это внесено в описи. Если среди [этих лошадей] государевых лошадей не имеется, то проверить число лошадей, принадлежащих частным лицам. И если надо будет поставить клейма, то они должны быть поставлены. При приходах и возвращениях, встречах и проходах с самого начала чужеземные торговцы должны быть оформлены по закону». «Если [нарушители] хозяева района Хэйшуй (Хара-Хото)... то, как и прежде, из района Хэйшуй их не прогонять. Отправлять в местные кочевья, где... по закону включать в число тех, кто занят на тяжелых работах». Речь идет о хозяевах, бывших каторжан, осужденных ранее после отбывания срока каторги на вечное поселение по месту каторжных работ. «Когда на основании изложенного выше просят о торговле с татарами и к нашим чужеземцам отправляют посольных, то встречать и задерживать обозных, вести учет, производить аресты, составлять списки — все это исполняет личный состав [должностных лиц]» [Новые законы, гл. 7. Без пагинации].

Итак, торговля, кажется, велась активно, она была взаимовыгодна и осуществлялась, хочется это подчеркнуть, на определенной договорной основе, на базе некоего «параграфа» соглашения. В какие годы первой четверти XIII в. это могло иметь место? Ведь тангутский текст той же 7-й главы недвусмысленно заявляет: «Татары — подлинные враги» [Законы и нормы поведения, гл. 7. Без пагинации], а «на границах, где не установлен мир, временами проис-

ходят сражения. Тем, кто заслужил, и прочим, кому можно дать награды... следует сказать высокие слова, большие и истинные» [Новые законы, гл. 16—17. Без пагинации].

В первый раз войска Темучжина атаквали западные области Ся весной, в конце марта—начале апреля 1205 г. Еще не было курилтая, поставившего Темучжина во главе объединенной Монголии. Темучжин возвращался после разгрома найманов и зимы, проведенной на Алтае, на берегах реки Бухгармы. Это был чисто грабительский набег, ограблены и опустошены западные районы Ся, округа Шачжоу и Гуачжоу. Тем не менее это был первый звонок. Тангуты, безусловно, хорошо были осведомлены о судьбе керейтов и найманов и поняли, что ждать ничего хорошего не приходится. Тангутский государь в знак избавления от беды (к сожалению, мы не знаем, как в то время сражалась с монголами тангутская армия) объявил в стране большую амнистию, переименовал столицу — г. Синцин (Приносящий радость) в Чжунсин (Возрождение), начал ремонт разрушенных укреплений и строительство новых. Археолог и депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга А. А. Ковалев, недавно обследовавший районы северо-запада территории Ся, говорил мне, что нашел там следы стен-укреплений, которые по радиокарбонному анализу датируются близким временем.

В сентябре—октябре 1207 г. монголы снова напали на тангутское государство. Военные действия развернулись на этот раз на северо-востоке страны и длились, очевидно, с перерывами до лета 1208 г. В июне-июле этого года монгольские войска покинули Ся. Чингис-хан совершенно определенно хотел подчинить или уничтожить Ся до начала исполнения своего главного замысла — уничтожения чжурчжэньского государства Цзинь.

Поэтому весной, в марте-апреле 1209 г., монголы снова атаквали Ся. Об этом этапе войны мы знаем несколько более подробно. Монголы разбили высланную им навстречу тангутскую армию, ее командующий попал в плен. К лету монгольская армия подошла к заставе Имэнь, прикрывавшей подступы к столице Ся. Здесь она была атакована тангутами, сражения не выиграла и была остановлена. Два месяца армии стояли друг против друга. В последовавшем затем новом сражении монголы разгромили тангутскую армию и в октябре 1209 г. в первый раз осадили столицу Ся. Шли дожди, реки и каналы были переполнены водой. Монголы стали строить плотины, чтобы затопить столицу Ся. Но в январе 1210 г. плотину прорвало, и вместо того, чтобы затопить осажденный город, вода затопила монгольский лагерь. В итоге осада была снята и начались переговоры о мире. Тангутский государь признал свою зависимость от Чингис-хана и отдал ему в жены свою дочь. Это была Чахэ, третья жена Чингис-хана. Чингис-хан, по крайней мере на тот момент, этим был удовлетворен. Он нейтрализовал тангутов и осенью 1211 г. начал большую войну с государством Цзинь. Как известно, несмотря на выдающиеся успехи, мон-

голам не удалось с ходу покорить Цзинь. Более того, этого не произошло даже при жизни Чингис-хана. Осознав затяжной характер войн в Северном Китае, Чингис-хан устремил свои взоры на запад, на государство хорезмшаха. Перед этим он вновь решил подчинить Ся. В январе 1218 г. монгольские войска, возглавляемые лично Чингис-ханом, снова осадили столицу Ся. Осада не была успешной. В ходе переговоров монголы к прежним условиям мира добавили требование, чтобы тангуты приняли участие в походе на запад, на что согласились соседи тангутов уйгуры. Тангуты категорически отказались. Чингис пригрозил им расправой в будущем, и монгольские войска покинули территорию Ся. Но по условиям мира тангуты обязались помогать монголам в войне против Цзинь. Государство Ся было в состоянии войны с чжурчжэнями с 1214-го по 1224 г. Но на тангутско-татарской (тангутско-монгольской) границе мир сохранялся до весны 1226 г., до начала похода Чингис-хана на Ся, ставшего последним и для тангутского государства, и для самого Чингис-хана. Таким образом, за исключением кратковременной осады монголами столицы Ся в 1218 г., тангутско-татарская граница была мирной, или относительно мирной, в течение 15 лет, с 1211-го по 1226 г. Население объединенной Монголии постепенно стало именовать себя монголами, в китайских текстах появляется новый этноним «мэн-да», «монголо-татары». В тангутских текстах он нам пока не попадался.

Косвенно, очень туманно, войны тангутов с монголами отразились и в таком особенном по содержанию памятнике, как «Новые законы». Первый этап войн (1205—1211) нашел отражение в «Новых законах года свиньи» (1215). «Наша армия и народ в прежние годы много лет и дней были в сражениях с врагами. Враг наступал, периодически появлялись большие и малые армии мятежников, свивающиеся в клубок старые и новые смуты. На границе из числа служащих в армии многие бегут в отдаленные пустынные районы, оставляют службу. Имеются разрушения. В законе имеется постановление о том, что солдаты и их младшие командиры, бежавшие из армии, наказываются шестью годами [каторжных работ], а бросившие на поле боя командиров подлежат смертной казни». «Армиям не определено сражаться во вражеских пределах (то есть тангуты не имели намерения посылать свои войска в Монголию), [они] готовятся на границе, где их много расквартировано, и они ожидают день и ночь, в какое время вступить в сражение. Действительно, есть необходимость в сильной, обученной армии. Если свои войска покинут укрепления и убегут, то во время сражения и дня не проживут и потерпят поражение. ...При установлении легких наказаний... [люди стараются] дорожить жизнью, бежать, сбившись в стадо. ...Силы и богатства государства дряхлеют, а [именно они] действительно есть высшая степень благополучия. ...Отныне... должно срочно выявлять паникеров, среди бежавших [с поля боя] выявлять зачинщиков и глав-

ных заговорщиков... казнить как нарушителей дисциплины от двух до четырех-пяти человек, а остальным в зависимости от тяжести преступления вынести приговоры и объявить об этом по всей границе...» «В государстве нет более важного, чем умело вести дела, усердно учиться делу, стойко сражаться... Корень государства — армию... рассматривать как главное». «На охраняемых границах, в обороняемых городах налицо оружие и воинское снаряжение, но важные оборонительные работы заболтаны, в управлениях пока только ведутся разговоры... слышатся непригодные к делу рассуждения, и то здесь, то там — обман и несправедливость» [Законы года свиньи, 1215, гл. 4. Без пагинации]. Корень государства — армию следовало укреплять. Закон предписывал: «Когда во время сражения войска побегут, командиры-сотники, оставившие своего командира, подлежат смертной казни. У них, вероятно, не хватило мужества». «Те, которые бежали с поля боя, старшие и младшие ка (десятники и полусотники. — *Е. К.*), которые не удержали солдат своего подразделения, одинаково, при их обнаружении, должны быть арестованы и казнены. Если солдаты бежали, ушли домой в глухие места, откочевали, то находящиеся поблизости армейские командиры и управления, соответственно, в удобный момент должны таковых арестовать... и дезертиры в соответствии с воинским уставом должны быть казнены. [Законы и нормы поведения, гл. 6—8, гл. 7. Без пагинации]. «По месту жительства полусотники и сотники один раз в каждые четыре времени года должны устраивать сборы и 10 дней в каждый сезон должны обучать стрельбе из лука и боевым искусствам. Если кто-то из подлежащих явке на сборы не придет, не станет слушаться приказов и его боевые приемы будут неправильными, то он по приговору должен получить наказание палками» [Законы и нормы поведения, гл. 6—8, гл. 7. Без пагинации]. Разброд, распущенность, недисциплинированность поразили разные сферы хозяйственной деятельности и управления Ся, как отмечено в законе, «стало много тех, кто бросили работу, [людей], негодных к службе, приносящих вред» [Новые законы, гл. 12. Без пагинации].

Государство разрешает призывать на службу в армию лично несвободных мужчин-пхинга¹. Призванные на воинскую службу пхинга «получали три вида воинского снаряжения — коня, доспехи для воина и доспехи для коня, [а также] 20 овец, 2 коровы и одну жену. Те, которые пожелают вступить в пограничные войска, за заслуги могут становиться полусотниками. При получении ранга² сами призывают на службу себе подобных на разные легкие ра-

боты. Храбрые и отличившиеся в боях становятся полусотниками» [Законы и нормы поведения, гл. 6—8, гл. 6. Без пагинации].

Принимались активные меры по восстановлению разрушенного войной хозяйства. Здесь даже отмечается определенный оптимизм. Законодатель надеется, что «все пять хлебов (рис, пшеница, ячмень, пшено, гречиха. — *Е. К.*) взойдут. Пограничные скотоводы тоже не пострадали, войска... обеспечены продовольствием, доходы государству поступают... на поля риса и пшеницы пущена вода и [они] обрабатываются, жизнь народа восстанавливается и улучшается... сделан один шаг к полному спокойствию» [Гл. 10, без начала, без пагинации].

На фоне этого оптимизма могла развиваться и пограничная торговля, хотя бы 7 лет, с 1219-го по 1225 г. включительно. Известно, что именно в это время тангуты пытались поднять на восстание некоторые недавно подчиненные Чингис-ханом народы Монголии, известие об этом и побудило Чингис-хана возвратиться из похода на запад и добить тангутов [Си Ся шу ши, цз. 42, 1934. С. 1а—1б]. «Шаг к полному спокойствию» оказался безрезультатным.

«Новые законы» — памятник тангутского законодательства последних десятилетий существования тангутского государства, особенный по своему содержанию, из первых рук донесший до наших дней кое-какие свидетельства об обстановке на северных границах Си Ся. Сведения эти отрывочны, иногда в чем-то противоречивы. С одной стороны, мы имеем и прямые и косвенные свидетельства расстройств, если не развала властных структур Ся — дезертирство из армии, бегство напуганных войной людей, растерянность командиров войск и чиновников. С другой стороны, продолжаются контакты с территорией современной Монголии, производятся торговые операции, даже регулируемые какими-то соглашениями. Трудно сказать, были ли это соглашения до 1205 г., не утратившие силу, или более поздние по мирному договору 1215 г. С созданием на территории Монголии единого государства изменились возможности товарооборота — северным соседям было что купить (верблюды, рис, зерно, луки), но было и что продать, хотя об этом не говорится. Из Северного Китая в Монголию были угнаны тысячи людей, было увезено много шелка, золота, серебра, разного рода ценностей. Шла не очень понятная, но какая-то взаимовыгодная торговля монетой (деньгами). Что интересно, мы не находим в этой торговле упоминаний о купцах-мусульманах. Может быть, в связи с разгромом государства хорезмшаха таковых и не было.

Хотелось бы отметить и очень краткие сведения об устройстве кочевников — наверное, из Монголии приходили те, кого не устраивала победа Чингис-хана. Им отводили пастбища и водопои, эти земли заносились на карты. Не менее интересны и упоминания о привлечении своих кочевников на оборонительные работы.

¹ Тангутское *пхинга*, как и корейское *пугог*, монгольское *богол*, происходит от китайского *буцуй*, наименования лично несвободных мужчин со статусом несколько более высоким, чем у раба.

² Получение должности полусотника и ранга означало получение личной свободы.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что все эти сведения что называется «из первых рук», из

особого по своему характеру, но памятника именно тех лет.

Источники

Законы года свиньи (1215). Гл. 4. Тангутский фонд Института восточных рукописей РАН. Танг 57/3, инв. № 259 (Далее: ТФ ИВР РАН).
Законы и нормы поведения. Гл. 6—8. ТФ ИВР РАН. Танг. 58/4, инв. № 247.
Новые законы. Гл. 7. ТФ ИВР РАН. Танг. 56/5, инв. № 248.

[Новые законы]. Гл. 10 «Новых законов», без начала и конца. ТФ ИВР РАН. Инв. № 6240, 6379.
Новые законы. Гл. 12. ТФ ИВР РАН. Танг 57/11, инв. № 254.
Новые законы. Гл. 16—17. ТФ ИВР РАН. Танг. 57/5, инв. № 261.

Литература

Бичурин, 1829: *Бичурин И.* История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб., 1829.
Владимирцов, 2002: *Владимирцов Б. Я.* Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Вост. лит., 2002.
Кляшторный, 2006: *Кляшторный С. Г.* Государства татар в Центральной Азии (дочингисова эпоха) // Кляшторный С. Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб.: Наука, 2006.
Кодекс, кн. 2, 1987; кн. 4, 1989: Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149—1169): В 4 кн. // Письменные памятники Востока. LXXXI, 2. М.: ИВЛ, 1987. LXXXI, 4. М.: ИВЛ, 1989.

Кычанов, 1959: *Кычанов Е. И.* Китайский рукописный атлас карт тангутского государства, хранящийся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина // Страны и народы Востока. Вып. 1. М., 1959.
Д'Оссон, 1937: *Д'Оссон К.* История монголов. Т. 1. Иркутск, 1937.
Си Ся тун ши, 2005: Си Ся тун ши (Полная история Си Ся). Иньчуань, 2005.
Сун ши, 1936: Сун ши (История династии Сун) // Сыбу бэйяо, Шанхай, 1936.
У Гуан-чэн, 1934: *У Гуан-чэн* Си Ся шу ши (Записи о событиях в Си Ся). Пекин, 1934.
Ogel, 1961: *Ogel B.* Ein Tor nach China in 10 Jhydt // Central Asiatic Journal. 1961. Vol. VI, nr 3.

E. I. Kychanov

The Tangut-Tatar border in the first quarter of the XIII century (the «New laws» of Xia)

The article describes the establishment of Tangut-Tatar boundaries, organization of border guard service during the times of Genghis Khan, as well as the war against Xia and Jin states.

Key words: kingdom of Xi Xia, «New laws», border, guards, Tanguts, Tatars, Uighurs, legislation.